

— Матушка, но ведь это не... — робко попыталась вставить слово Чуньхуа, но под грозным взглядом госпожи Цай тут же осеклась и попятилась на шаг.

«Это же его собственный рис!» — Шэнь Цинжань мгновенно вскипел от злости.

Но тут же с ужасом осознал, что он, взрослый и крепкий в прошлой жизни мужчина, в руках этой деревенской бабы не может оказаться ни малейшего сопротивления.

Пока его без церемоний выталкивали во двор, Шэнь Цинжань пребывал в глубоком шоке от мысли: «Как я мог стать таким хлипким слабаком?!»

Сквозь приоткрытую дверь доносился зычный, скорый голос госпожи Цай:

— Дабао, Эрбао, живет за стол, обедать! Глядите, какой пышный белый рис вам матушка сварила! — а затем последовал окрик в сторону дочери: — Ты вещи стирать закончила, а? Опять бездельничаешь, негодница?!

Шэнь Цинжань услышал забитый, покорный ответ Чуньхуа и радостные, звонкие голоса двух упитанных мальчишек. В этот момент его представления о жизни в деревне Лицзяцунь претерпели коренные изменения.

Он наклонился, зачерпнул с земли добрую горсть песка, спрятал руку за спину и с холодной усмешкой на лице толкнул дверь. Прежде чем госпожа Цай успела хоть что-то сообразить, Шэнь Цинжань резким взмахом руки швырнул весь песок прямо в бурлящий котел, да еще и прихваченным поварешкой пару раз хорошенько там перемешал.

С его нынешними силенками, да еще и в отсутствие мужа оригинальной владелицы тела, отбить еду силой у него бы не вышло.

«Что ж, раз так, то этот рис не достанется никому!» — решил он.

Его собственный пустой желудок отчаянно бунтовал, сердце обливалось кровью при виде загубленного добра, но в глубине души разлилось совершенно детское, злорадное удовлетворение.

Увидев, что роскошное угощение безнадежно испорчено, оба пухлых мальчугана с ревом повалились на земляной пол, закатив истерику с катанием по земле.

— Ты что творишь, дрянь?! — госпожа Цай вытаращила свои раскосые треугольные глаза, выглядя так, словно была готова совершить убийство на месте.

Шэнь Цинжань лишь вызывающе вскинул брови и демонстративно отряхнул ладони от пыли. Госпожу Цай от такой наглости едва удар не хватил, а рев мальчишек стал еще громче.

Понимая, что пора вовремя сматывать удочки, пока разъяренная женщина не натворила глупостей, Шэнь Цинжань со всех ног бросился наутек.

Как там говорится? «Дай человеку рыбу, и ты накормишь его на один день, научи его ловить рыбу, и ты накормишь его на всю жизнь».

Пусть за этот выход он и бездарно перевел полцзиня отборного риса, зато теперь он собственными глазами увидел, как разводить огонь!

Округлив этот успех, можно было считать себя чуть ли не шеф-поваром элитного ресторана.

Вернувшись, Шэнь Цинжань в точности повторил все действия Чуньхуа: отыскал в куче дров кремень и огниво, высек и раздул слабую искорку в крошечный огонек и в итоге получил котелок... полусырого, хрустящего на зубах риса.

— ... — «Ладно, вечером добавлю побольше воды и сварю жидкую кашу», — мрачно подумал он.

Бывший молодой господин Шэнь Цинжань мог поклясться, что это была самая отвратительная еда, которую он когда-либо пробовал в жизни.

Он молча отставил плошку в сторону. Этому отсталому миру явно требовались улучшенные селекционные сорта.

Эта трапеза лишь укрепила его в намерении во что бы то ни стало дожидаться в деревне Лицзяцунь появления главной героини.

Нужно срочно ковать железо и прыгать к ней на хвост!

Если верить хронологии романа, совсем скоро семья главной героини, спасаясь от тягот войны, переберется в эти края.

Аграрные технологии спасут мир, а урожайность в десять тысяч цзиней с одного му — вовсе не сказка!

Тем временем по горной тропе, ведущей к деревне Лицзяцунь, не торопясь шли двое мужчин.

Тот, что следовал чуть позади, был с ног до головы одет во всё чёрное; в руках он нес пару костылей и дорожный узелок, при этом без умолку в чем-то убеждая идущего впереди спутника.

Мужчина впереди был облачен в простые одежды из грубого холста, однако обладал статной, высокой фигурой и резкими, словно высеченными искусным мастером из камня чертами лица.

Его безупречная мужская красота сочеталась с такой мощной аурой суровости и величественного леденящего спокойствия, что в нем за версту можно было признать грозного воителя, прошедшего сквозь горнило сотен сражений.

— Господин, вы и вправду решили вернуться в эту глушь, в семью Ли? Пусть Наследный принц сейчас и подозревает, что ваша смерть была инсценировкой, и ищет вас повсюду, но стоит ли обрекать себя на мучения в этой дыре?..

Чан Мин был полон тревоги. Его господин — истинный дракон среди людей, рожденный для великих дел, как он может прозябать в роли безвестного деревенского мужлана?

Наследный принц оказался редкостным бессердечным негодяем. Господин всеми силами поддерживал его и возвел на вершину, но в ответ снискал лишь черную зависть и подозрения.

После битвы при Пуяне этот подлец и вовсе замыслил страшное: заживо похоронить его вместе со стотысячной армией в земляных рвах.

К счастью, господин разгадал коварный замысел заранее и успел тайно перевести свои верные войска в подполье, сделав их «невидимой армией».

Но Наследный принц действовал наверняка, нанося удары на поражение. Господин угодил в

кольцо окружения и лишь ценой тяжелых ранений обеих ног смог с боем вырваться из ловушки.

Чан Мин мысленно сплюнул. Да если бы не его господин, этот принц до сих пор звался бы пустым местом!

Сюэ Фэйфэн ответил на его тираду коротким и бесстрастным:

— Хм.

Но Чан Мина было не сломить холодностью господина:

— Господин, Чан Бай поговаривал, будто вы успели жениться. Как же вы такое важное дело от верных слуг утаили? Ваша супруга, она...

При этих словах на лице Сюэ Фэйфэна наконец промелькнула тень эмоций, и в глазах Чан Мина вспыхнул огонек живейшего любопытства.

— Она мне не супруга, — отрезал Сюэ Фэйфэн, не желая пускаться в объяснения.

Или, скорее, этот человек просто не стоил того, чтобы тратить на него слова.

Чан Мин тут же сменил тон на сочувственный:

— Эта Шэнь Цинжань... неужели она притесняла вас, пользуясь тем, что у господина проблемы с ногами?

Сюэ Фэйфэн одарил слугу предупреждающим взглядом, веля оставить эти бабьи сплетни при себе, и коротко скомандовал:

— Дай мне.

Его взгляд был устремлен на костыли в руках Чан Мина.

— Давайте я еще немного понесу... Осторожно, там кто-то есть! — Чан Мин резко подобрался, устремив пронзительный взгляд в чащу леса.

Неужели ищейки Наследного принца?

Однако Сюэ Фэйфэн заметил движение гораздо раньше своего спутника. Небрежным щелчком пальцев правой руки он запустил в кусты мелкий камешек, после чего покрепче перехватил костыли, в мгновение ока вновь обратившись немощным калекой.

— Скройся.

Чан Мин тут же растворился среди деревьев.

Спустя пару мгновений сверху, кубарем и со свистом, на дорожную тропу выкатился человек.

Шэнь Цинжань отчаянно прижимал руки к голове. Когда у него из-под ног ушел пласт земли, он едва не закричал от ужаса, но в долю секунды заметив внизу двух путников, через силу прикусил губу так, что на языке выступил солоноватый вкус крови.

Сегодня явно был не его день.

Питаться всухомятку полусырым рисом было выше его сил — избалованный роскошной жизнью вкус Шэнь Цинжаня не мог долго терпеть подобное издевательство. Он обошел весь дом и огород в поисках хоть какой-то еды и лишь сильнее укрепился в мысли, что деревенские «помощники», которых нанимал прежний хозяин, были чистой воды разбойниками. Они умудрились выдрать с корнем даже крошечные, едва проклюнувшиеся стрелки дикого чеснока!

Шэнь Цинжань так истосковался по мясу и свежим овощам, что у него кружилась голова.

В конце концов он вспомнил излюбленный прием главной героини романа: «Горы прокормят того, кто к ним придет».

По логике Шэнь Цинжаня, древние люди были отнюдь не глупыми, и если бы в лесу росло что-то съедобное, его бы давно подчистую сожрали. Но в романах про попаданцев законы логики работали иначе. Стоило главной героине подняться на гору, как на нее тут же по глупости сыпались всяческие блага.

К примеру, дикие кабаны, которые внезапно гибли в пылу внутривидовой борьбы, расшибая головы о скалы; грибы, древесные уши, дикие ягоды или целебный линчжи, в которых деревенские якобы ничего не смыслили; или птичьи яйца, которые веками никто не трогал, и они почему-то до сих пор не протухли...

«А вдруг книжные бредни окажутся правдой?» — подумал он.

Шэнь Цинжань с воодушевлением потер руки.

В конце концов, должно же у попаданца быть хоть какое-то уникальное везение?

Рано утром, прихватив с собой нож для рубки хвороста, он отправился на гору, но едва углубился в лес и увидел идеальную чистоту под деревьями, его сердце екнуло от недоброго предчувствия.

Там не то что съестного — там даже сухих веток для костра было не сыскать.

Шэнь Цинжань безцельно плутал больше часа.

На непривычных к труду нежных подошвах вздулись болезненные мозоли, и ему оставалось лишь без конца поражаться вслух: «Надо же, как тщательно эту гору подчистили!»

С каждым вздохом его брови хмурились всё сильнее, пока лицо не превратилось в маску горькой обиды.

Да даже если бы здесь и росли какие-то диковинные лесные дары, неведомые местным жителям, он бы всё равно не смог отличить их от ядовитых поганок!

Правда, под корнями векового дерева он действительно заметил несколько семейств мясистых, аппетитных грибов, но стоило Шэнь Цинжаню вспомнить причину смерти оригинального персонажа, как по его спине пробежал ледяной пот.

«Если бы они были съедобными, разве долежали бы до сего дня, и никто их не сорвал?»

Он в конце концов не дурак.

Поняв, что поход за едой провалился, Шэнь Цинжань решил, что нельзя возвращаться с

пустыми руками — надо хотя бы набрать хвороста. Дома запасы дров почти иссякли.

Он предусмотрительно решил взяться за дело у самого подножия горы, ведь тащить тяжелую ношу издалека его щедушное тело бы просто не выдержало.

И вот, после того как он безрезультатно сражался с сухой веткой толщиной в руку долгие двадцать минут, а затем устроил десятиминутный перерыв, чтобы продолжить бой, его нога внезапно зацепилась за выступающий из земли корень.

Лодыжку пронзила острая боль, словно его ужалила оса. Шэнь Цинжань стоял на крутом склоне, потерял равновесие и кубарем покатился вниз по насыпи.

Он едва успел отбросить в сторону нож и обхватить голову руками, прежде чем вылетел на саму дорогу. Кое-как поднявшись на ноги, весь в пыли и сухой траве, он принялся осматривать себя. Кроме содранной кожи на запястье, серьезных повреждений не нашлось.

Когда Сюэ Фэйфэн увидел одежду покотившегося со склона человека, его брови непроизвольно дрогнули. А стоило тому повернуться лицом, как в его глазах промелькнуло легкое удивление.

Несмотря на то, что Шэнь Цинжань сейчас выглядел растрепанным и испачканным, это был, без сомнения, самый чистый и опрятный вид его «супруги», который Сюэ Фэйфэну когда-либо доводилось лицезреть.

На ней не было тех кричащих, аляповатых нарядов ядовитых оттенков, волосы были аккуратно собраны, а на лице не осталось и следа той вечной придурковатой мины ленивой и жадной обжоры.

Напротив, ее взгляд лучился живым умом. Казалось, перед ним стоял совершенно другой человек.

Вот только вид у «жены» был довольно жалкий — и на лбу, и на губе алели свежие царапины..

— Что ты здесь делаешь?

«М?» — Сердце Шэнь Цинжана пропустило удар.

Это был первый человек с момента его попадания сюда (не считая госпожи Цай и Чуньхуа), который заговорил с ним, да еще и в таком уверенном, будничном тоне.

Это еще... кто такой?

Шэнь Цинжань мысленно возблагодарил судьбу за то, что по легенде он был немым — это избавляло его от необходимости отвечать и риска мгновенно выдать себя с головой.

Он незаметно окинул мужчину взглядом с ног до головы: сложен превосходно, черты лица благородные и мужественные, одет бедно, но от всей его фигуры исходит какая-то непередаваемая аура... Какая же?... Военный! Это выправка военного!

Шэнь Цинжань едва успел усмирить готовое выпрыгнуть из груди сердце. Неужели это его законный, вернувшийся со службы супруг — этот, как его там, Ли?!

Не стоит винить его за забывчивость: в тексте романа автора совершенно не заботило имя этого персонажа, и его на протяжении всех глав величали не иначе как Ли Далан (Старший брат Ли).

Но почему Ли Далан оказался хромым на обе ноги?! В книге об этом не было ни слова!

...Впрочем, справедливости ради, в книге и не утверждалось обратного.

Взгляд Шэнь Цинжання приковала висящая у мужчины на поясе сабля. Точно такая же, парная к ней, висела в запертой комнате дома Ли Далана!

Это точно он.

Шэнь Цинжання внезапно осенило: теперь понятно, почему госпожа Цай без зазрения совести отобрала у него рис. Оказывается, их «супружеский союз» — это калека и немогущий слабак, их если вместе связать, они и одного удара не выдержат.

Постойте-ка, а почему он вернулся раньше времени? Разве он не должен был приехать только послезавтра?!

Куриные кости в доме до сих пор не прибраны! Если он сейчас скажет мужу, что девять упитанных птиц за один присест утащил обнаглевший хореk, ему хоть кто-нибудь поверит?!!!

Неужели его сейчас с позором выгонят и дадут развод?

Этот парень Ли и без того спит и видит, как бы расторгнуть этот брак, а сам Шэнь Цинжань, в отличие от прежнего хозяина тела, не умеет устраивать дикие истерики и мертвой хваткой цепляться за чужой подол...

Но ведь он еще даже не попробовал те самые арбузы без косточек, которые должна вырастить и распространить главная героиня!

Заметив, как стремительно меняется выражение лица Шэнь Цинжання, словно этот человек лихорадочно замышляет очередную пакость, Сюэ Фэйфэн почувствовал нарастающее раздражение.

Настоящий Ли Фэн когда-то был простым стражем в его лагере и пал смертью храбрых на поле боя. Зная, что у того не осталось никого из родни, Сюэ Фэйфэн взял его имя и документы как прикрытие, но кто же знал, что за этим именем тянется еще и помолвка с колыбели!

Сюэ Фэйфэну не удалось расторгнуть помолвку, и ему пришлось забрать человека к себе.

Деньги для него не имели значения, он просто решил содержать Шэнь Цинжання в память о погибшем соратнике.

Однако хватило всего одного дня, чтобы Сюэ Фэйфэн в полной мере осознал, почему «тёща» так отчаянно спешила выдать дочь замуж.

Сюэ Фэйфэн поначалу не придавал этому значения: ну подумаешь, разве это не просто любовь к вкусной еде и лень. В императорском дворце таких людей пруд пруди.

Но уже на второй день после свадьбы Шэнь Цинжань созвал в дом ораву местных тунеядцев и отъявленных бездельников, принявшись сорить деньгами и притворялся важной персоной. Дом превратился в сущий притон, а на любые замечания этот парень не обращал ни малейшего внимания.

Сюэ Фэйфэн в деревне Лицзяцунь от такого позора ходил, словно увенчанный светящейся зеленой короной рогоносца.

Сюэ Фэйфэн прибыл в эту глушь исключительно ради того, чтобы в покое залечить тяжелые раны. Пережив страшную бойню и предательство при Пуяне, он полностью пересмотрел свои взгляды на жизнь: дворцовые интриги, грызня за престол, предательство названных братьев и вечные подозрения императорской семьи опротивели ему до глубины души. Его сердце остыло к государственной службе, и ему было решительно всё равно, в чьи руки падет эта империя.

Ему было лень обращать внимание на Шэнь Цинжаня, но его характер не был настолько хорошим, чтобы позволять Шэнь Цинжаню тиранить и творить всё, что вздумается. Именно поэтому он вызвал семью Шэнь, чтобы те забрали своего человека, после чего и разыгралась та безобразная сцена с рыданиями матери.

Все в деревне думали, будто он в ярости сбежал из дома торговать лекарственными травами, но на самом деле Чан Мин просто разыскал для него известного лекаря, чтобы тот осмотрел его раненую ногу. Такому жалкому человеку, как Шэнь Цинжаню, было не под силу вывести его из равновесия.

Сюэ Фэйфэн ожидал, что Шэнь Цинжань, как и прежде, едва завидя его, тут же бесстыдно выставит вперед ладонь и станет требовать серебро.

Однако Шэнь Цинжань, до смерти боявшийся остаться без крова и не дожидаясь главную героиню, внезапно с заискивающим видом шагнул вперед и перехватил у Сюэ Фэйфэна дорожный узелок.

За целый день парень не малейшего куска в рот не взял, отчего заметно осунулся, и в его фигуре проступила какая-то благородная, гордая хрупкость, напоминающая стойкую сосну на ветру. Его тонкие плечики едва ли не гнулись под тяжестью узелка, но он упорно и заботливо попытался подставить мужу плечо, чтобы служить опорой.

Вел себя тише воды, ниже травы — точь-в-точь как примерная, образцовая маленькая жёнушка.

Сюэ Фэйфэн: «???»

Шэнь Цинжань виновато опустил глаза, стараясь выглядеть как можно более кротким.

Сюэ Фэйфэн осторожно, но непреклонно высвободил свой локоть из его пальцев:

— Не нужно, — коротко бросил он и решительно пошагал вперед.

Опираясь на костыли обеими руками, он шел, тяжело подтягивая ноги и качаясь из стороны в сторону — зрелище было поистине жалостным.

В глазах Шэнь Цинжаня промелькнуло искреннее сострадание. «Надо же, до какого состояния прежний хозяин тела довел несчастного человека! Обе ноги искалечены, а ему приходится тащиться в город, чтобы заработать на кусок хлеба».

Сам Шэнь Цинжань по природе своей всегда отличался мягкосердечием к слабым и обездоленным. В конце концов, они оба мужчины, почему бы не помочь ближнему в беде?

Он ускорил шаг и снова упрямо подхватил Сюэ Фэйфэна под руку.

Сюэ Фэйфэну, вынужденному ради маскировки покорно отыгрывать роль калеки, оставалось только безмолвно скрежетать зубами от такого тесного контакта:

— ...

Из густой чащи позади них бесшумно высунулась голова Чан Мина. На лице слуги застыло выражение глубочайшего почтения и благоговения.

«Так вот какая у нас, оказывается, молодая госпожа... Неужели это то самое, о чем в народе говорят: "после долгой разлуки супруги любят друг друга еще крепче"? Когда господин был ранен тяжелее всего, он ведь вообще никому не позволял к себе прикасаться и поддерживать!»

«Нет... Она ему не супруга!» — внезапно вспомнил Чан Мин строгие слова хозяина и впал в глубокие, мучительные раздумья.

Примечание переводчика:

Друзья, обращаем ваше внимание на важную деталь перевода! В китайском языке личные местоимения «он» и «она» звучат одинаково, но в русском нам приходится делать строгий выбор.

Наш главный герой Шэнь Цинжань — мужчина, и мы, как читатели, знаем об этом, поэтому в тексте автора о нём всегда говорится в мужском роде. Однако Сюэ Фэйфэн и остальные деревенские жители искренне считают его девушкой (законной супругой).

Чтобы передать этот контраст(но сохранить оригинал), в моментах, когда Сюэ Фэйфэн смотрит на Шэнь Цинжаня, думает о нём или обращается к нему, мы будем намеренно используем женский род.

Приятного чтения!

<http://bllate.org/book/17933/1718900>